

Роль идентичности во внешней политике Турции

(на Южном Кавказе и в Центральной Азии)

Башаран АЙАР

Начиная с 90-х годов XX в. роль идентичности во внешней политике Турции и её проявление в Центральной Азии и на Южном Кавказе изменялась. В первый период (1991–2002 гг.) Турция в основном идентифицировала себя как европейская страна с характеристиками, которые стали бы образцом для стран со схожими религиозными и этническими особенностями. Такая идентификация выражалась в Центральной Азии и на Южном Кавказе формулировкой «Турция как старший брат», что могло бы связать новые независимые тюркские государства с западным миром.

В последующий период (2002–2011 гг.) новая политическая элита Турции следовала более активной и независимой внешней политике. Центрально-азиатские и южнокавказские страны в рамках нового подхода Анкары продолжали занимать значительное место. Однако появились и другие регионы (Африка, Латинская Америка и Восточная Азия). Этот период завершился, когда началась «арабская весна».

В 2011–2016 гг. Турция столкнулась с региональными вызовами. Хотя сотрудничество с государствами Центральной Азии и Южного Кавказа продолжалось, но в центре внимания Турции были события на Ближнем Востоке.

После 2016 г. Турции вела более самостоятельную и националистическую внешнюю политику, что было вызвано недоверием к западным партнёрам и неустойчивыми отношениями с соседями. При этом правящая элита пыталась найти общее понимание с региональными державами, особенно с Россией. Поэтому нынешняя позиция правительства представляет собой

АЙАР Башаран – аспирант кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России. SPIN-код: 3197-9591, E-mail: basaranayar@gmail.com

Ключевые слова: Турция, Южный Кавказ, Центральная Азия.

стремление к сохранению хрупкого равновесия, требующего «националистических» побед для электората во внутренней политике без провоцирования региональных держав.

Последний период характеризуется частым использованием инструментов жёсткой власти, прагматичным сотрудничеством с региональными игроками и попытками ограничить влияние западных стран на Турцию.

Турецкая внешняя политика во время холодной войны

Традиционная турецкая внешняя политика имела два основных принципа: прозападную позицию и защиту статус-кво [1].

Этот подход включал в себя:

- стремление ко всё большей интеграции с Западом;
- отстаивание статус-кво, установленного Лозаннским договором;
- использование возникающих возможностей для получения преимуществ (например, Конвенция Монтрё о восстановлении турецкого суверенитета в Черноморских проливах).

По мнению основателей Турецкой Республики, мир был разделён между правящими (западными державами) и субъектами (их колониями). Решение проблемы безопасности страны они видели в том, чтобы стать одной

из правящих стран [2]. Поэтому реализовывалась программа реформации, направленная на превращение Турции в европейское государство. Прозападный подход усилился после Второй мировой войны, поскольку Анкара видела угрозу со стороны Советского Союза, ей казалось, что СССР стремится превратить Турцию в государство-сателлит социалистического лагеря. Реакцией на эту угрозу было стремление Турции стать членом капиталистического блока и придать себе вес в глазах западного мира. Частью этого решения было создание многопартийной системы и участие в Корейской войне на стороне США. Самоидентификация во внешней политике выражалась в антикоммунистическом дискурсе.

«Модельная страна» (1991–2002 гг.)

После окончания холодной войны Анкара рассматривала интеграцию с Европой как оптимальный путь для усиления роли страны в международных отношениях. Этот период характеризуется самоиден-

тификацией как «модельной» европейской страны, которая будет действовать в качестве моста, соединяющего тюркские и мусульманские страны с Западом. Когда Турция вступила в Таможенный союз ЕС,

¹ Oran B. Turkish foreign policy, 1919–2006. Salt Lake City: University of Utah Press, 2010.

² Bilgin P. Securing Turkey through western-oriented foreign policy // New Perspectives on Turkey. 2009. № 40.

экономический аспект этой идеи усилился [3].

«Модельная страна» – это местный турецкий проект, а также термин, использовавшийся тогда на международном уровне. Согласно иранскому политологу Мехди Санаи, турецкая модель была одним из трёх вариантов, которым центральноазиатские страны могли следовать наряду с исламской республиканской моделью Ирана и коммунистической моделью прошлого [4, с. 146]. Именно поэтому для западных стран турецкая модель была средством противодействия влиянию Ирана [5]. Поэтому изначально европейские страны тоже поддерживали эту идею [6].

В этот период Анкара сосредоточилась на построении взаимоотношений в Центральной Азии и на Южном Кавказе через этническую идентичность с новыми независимыми тюркскими государствами. Лидеры Турции часто озвучивали идею «турецкого мира от Адриатического моря до Китайской стены». Основной причиной такой политики стала самоидентификация Турции как «модельной страны». Это было связано и с тем, что у Турции нет общей границы со странами Центральной Азии, и политика идентичности была стратегией, призванной компенсировать эту слабость [4, с. 145]. Но во второй половине 90-х годов эйфория в отношении развивающихся государств

региона и романтизированное и нереалистичное пантюркистское мировоззрение уступили более прагматичному подходу [6]. Это изменение политики было вызвано «возвращением» России в регион и решением западных государств взаимодействовать со странами Центральной Азии напрямую без посредничества Турции [4, с. 145].

Подписанные соглашения с новыми независимыми странами легли в основу политики Анкары в регионе при непосредственном участии созданных в этот период региональных организаций.

В 1992 г. президенты Турции, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Туркмении собрались на первый саммит тюркоязычных стран, но эта встреча не принесла каких-либо значимых политических результатов, оставшись лишь протокольным форумом.

По инициативе Турции в 1992 г. была создана Организация Черноморского экономического сотрудничества для решения вопросов причерноморских государств.

В 1993 г. центральноазиатские страны были приглашены в Организацию экономического сотрудничества, созданную Турцией, Ираном и Пакистаном.

В 1992 г. Анкара создала Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА) для регулирования внешней помощи, оказываемой ею тюркским государствам. Действие ТИКА включали

³ Kramer H. The EU – Turkey customs union: Economic integration amidst political turmoil // *Mediterranean Politics*. 1996. № 1.

⁴ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. М.: Иранская библиотека, 2020. С. 146.

⁵ Wheeler T. Turkey's role and interests in Central Asia // *Safeworld Policy Brief*. 2013. P. 3.

⁶ Balci B., Liles T. Turkey's comeback to Central Asia // *Insight Turkey*. 2018. № 20.

в себя такие проекты, как обучение чиновников, экономическая помощь, культурные мероприятия и реставрация исторических мест. Эта орга-

низация сыграла важную роль в попытке Турции усилить своё влияние в Центральной Азии и на Южном Кавказе [7].

Центральная держава (2002–2011 гг.)

Партия справедливости и развития (ПСР), которая пришла к власти в 2002 г., вначале следовала программе демократизации и экономической либерализации, продолжив проевропейскую политику. Тем не менее лидеры ПСР считали, что Турция должна играть более активную роль и стать одной из центральных держав в мире. При этом новая правящая элита рассматривала Турцию не как часть западного мира, а как лидера своей собственной цивилизации [8].

Идеолог внешней политики партии Ахмет Давутоглу писал в своих книгах, что Турция не может ограничивать себя рамками традиционной внешней политики [9]. Он резко критиковал периферийную роль, которую Турция, по его мнению, играет в Европе и НАТО, и также утверждал, что эпоха национализма скоро подойдёт к концу и исламское единство будет достигнуто благодаря новому политическому проекту [10]. Это новое мышление исключало национализм и делало акцент на религиозных, культурных и истори-

ческих связях. Первоначально позиция Давутоглу была хорошо воспринята соседними странами, так как основывалась на «мягкой силе», экономическом партнёрстве и культурной дипломатии.

В этот период внешняя политика Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе стала более прагматичной, и Анкара не стремилась к лидерству в регионе [11]. В то же время торговля Турции со странами региона увеличилась в десять раз, а и доля в торговле Турции выросла в два раза [12]. Нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан позволил усилить энергетическое сотрудничество с Азербайджаном, повысить привлекательность проектов по подключению Турции к углеводородным ресурсам Центральной Азии.

В 2009 г. вместо бывшего саммита тюркоязычных стран был создан Тюркский совет, укрепивший предыдущий форма, была предпринята попытка смягчить отношения с Арменией с помощью так называемой футбольной дипломатии, но это не привело к результату из-за внутрен-

⁷ Fidan H., Nurdun R. Turkey's role in the global development assistance community: the case of TİKA // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2008. № 10.

⁸ Bilgin P., Bilgiç A. Turkey's New Foreign Policy toward Eurasia // Eurasian Geography and Economics. 2011. № 52. S. 173.

⁹ Davutoğlu A. Stratejik derinlik. İstanbul: Küre, 2001.

¹⁰ Özkan B. Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism // Survival Global Politics and Strategy. 2014. № 56. S. 121.

¹¹ Oran B. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim, 2010. S. 468–469.

¹² TUIK // URL: <https://www.tuik.gov.tr>

него сопротивления высказанной идее, а также нежелания армянской общественности и недовольства азербайджанской стороны [13].

В рамках идентичности «центральной державы» Турция сосредоточилась на дистанцировании собственных интересов от западных союзников.

Например, Анкара раскритиковала американскую деятельность в регионе во время российско-грузинской войны 2008 г. [14].

Вместо того чтобы следовать политике США, она в 2008 г. разработала «Кавказскую платформу стабильности и сотрудничества», которая была положительно воспринята странами региона, но не была реализована [15]. Однако приоритетность постсоветского пространства

в турецкой дипломатии исчезла с новым подходом.

Институты, предназначенные для усиления влияния Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе, были модифицированы в соответствии с новой внешней политикой.

Например, офисы *ТКА* распространились по всему миру и стали главным инструментом «мягкой силы» на Ближнем Востоке, в Африке и на Балканах. Доля Центральной Азии и Южного Кавказа в проектах *ТКА* снизилась до 9% в 2008 г. [16]. Несмотря на то что уже установленные каналы связи Турции с Центральной Азией и Южным Кавказом были сохранены и расширены, акцент сместился в сторону других регионов. Так что постсоветское пространство стало лишь одним из векторов «проактивной» внешней политики ПСР.

Стремление лидерства на Ближнем Востоке (2011–2016 гг.)

Стратегия Давутоглу столкнулась со многими вызовами после распространения протестных движений в арабских странах. Турция глубоко втянулась в политические беспорядки региона, и это подорвало применение идей «мягкой силы» или «нулевых проблем с соседями». Создание военного правительства в Египте, разрушительная сирийская гражданская война и вызванный

ею миграционный кризис, кризис с Россией из-за сбитого турками российского истребителя над сирийской территорией показали пределы внешнеполитических возможностей Анкары. Разногласия с региональными и глобальными державами привели к изоляции во внешней политике. Политика Давутоглу, начавшаяся с лозунга «Ноль проблем с соседями», уступила ме-

¹³ https://www.bbc.com/russian/international/2009/10/091014_football_turkey_armenia

¹⁴ Коновалов И. Кавказская шахматная доска. М.: Издатель Воробьев, 2021. С. 156.

¹⁵ Fotiou E. "Caucasus Stability and Cooperation Platform": What is at Stake for Regional Cooperation?. June 2009 // URL: https://www.files.ethz.ch/isn/104737/PB_16.pdf

¹⁶ TİKA 2008 Yıllık Faaliyet Raporu // Turkish Cooperation and Coordination Agency 2009 // URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/2017/YAYINLAR/Faaliyet%20Raporları/2008/2008FAALIYET RAPORU.pdf>

сто новому лозунгу «Драгоценное одиночество» [17].

Несмотря на эти сложности, отношения Анкары с центральноазиатскими и южнокавказскими республиками сохранили положительную тенденцию. Продолжалась институционализация взаимосвязей.

Так, были созданы Советы стратегического сотрудничества высокого уровня с Киргизией (2011 г.), Казахстаном (2012 г.) и Грузией (2016 г.), а также новая трёхсторонняя платформа с Азербайджаном и Грузией (2012 г.) [18].

Турция также улучшила свои отношения с Узбекистаном и Туркменией – странами, у которых до этого были не совсем тёплые отношения с Анкарой. Президент Р. Эрдоган встретился с прези-

дентом Узбекистана И. Каримовым во время зимних Олимпийских игр в Сочи, и эта «оттепель» привела к первому за 13 лет визиту министра иностранных дел Турции в Ташкент.

Доля стран Центральной Азии и Южного Кавказа в турецкой внешней торговле достигла 2,28% от турецкого экспорта в 2014 г. и 5,45% от импорта [12].

Рост прекратился после российских экономических санкций, введённых в конце 2015 г. [12].

Эта ситуация финансово вредила также и странам Центральной Азии, поэтому государства региона приняли меры для разрешения спора Анкары с Москвой (например, президент Казахстана выступил посредником и передал Путину письмо от Эрдогана).

Прагматичное партнёрство (с 2016 г.)

Турция в 2016 г. вновь изменила свою внешнюю политику после отставки премьер-министра Давутоглу в мае и попытки госпереворота в июле. Внешними причинами переоценки внешней политики стали ситуация в Сирии, споры с США и ЕС и разногласия с Россией. Широко распространённое представление о США и европейских странах как о ненадёжных партнёрах, стоявших за попыткой переворота, также вызвало недоверие к Западу. Дипломатический подход Турции в этот период направлен на сотрудничество с региональными державами (особенно с Россией), использование «жёсткой силы» и апелляцию к на-

ционалистическим настроениям электората. В течение последних пяти лет Турция присоединилась к трёхстороннему Астанинскому процессу с Россией и Ираном для обсуждения разногласий в Сирии. Анкара непосредственно вовлечена в события в Сирии и Ираке, а также поддерживала Азербайджан в Нагорном Карабахе (осень 2020 г.).

После урегулирования «самолётного» кризиса Турция и Россия активизировали сотрудничество, устранив последствия санкций, в том числе и в рассматриваемых регионах. Значительно возросла торговля со странами региона, особенно с Азербайджаном. Торговля Турции со

¹⁷ Багджи Х. У Турции нет друзей, а есть интересы: что стоит за разворотом Эрдогана? 2016 // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/u-turtsii-net-druzey-a-est-interesy/>

¹⁸ https://www.mfa.gov.tr/joint-communique-of-the-second-trilateral-meeting-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and.en.mfa

странами Центральной Азии и Южного Кавказа вышла на уровни, превосходящие докризисный период, связанный с Су-24 [12].

Стремление к сотрудничеству не является односторонним – Россия тоже продемонстрировала свою готовность к нему, которое доказало свою эффективность благодаря Астанинскому процессу, совместному военному патрулированию в Сирии, покупке Турцией С-400, «Турецкому потоку» и, совсем недавно, совместному турецко-российскому наблюдательному пункту в Азербайджане [19]. Утверждается, что, согласившись на российско-турецкий пункт наблюдения, Москва легитимизировала роль Турции на Южном Кавказе [20]. Существует мнение среди аналитиков, что Россия является единственным мировым игроком, который ищет более тесного экономического и стратегического сотрудничества с Турцией без предварительных условий [21]. Поэтому можно предположить, что, в отличие от 90-х годов, Турция попытается усилить своё влияние в регионе при сохранении координации с Россией и другими региональными державами. При этом националистическая самоидентификация вызывает сложности, как это видно из кризиса с Ираном после войны в Карабахе [22].

Сегодня Центральная Азия и Южный Кавказ являются существенной частью внешней политики Турции. Граждане Турции, Грузии и Азербайджана могут путешествовать без загранпаспорта, а Туркмения – единственная страна региона, требующая визы от турецких граждан. Развитие отношений с региональными странами делают её привлекательной для этих стран.

Почти четверть регулярной миграции в Турцию в 2019 г. приходилась на страны Центральной Азии и Южного Кавказа [12].

Особенно возрастает миграция из Туркмении; Азербайджан вошёл в десятку крупнейших инвесторов в Турции; увеличиваются инвестиции и из других стран региона [23].

Роль турецких беспилотников в войне 2020 г. показывает, что новая внешняя политика может изменить статус-кво [24]. Расширение военного сотрудничества с Грузией и Казахстаном говорит о том, что эта тенденция может распространиться и на другие страны.

Однако стремясь к большему влиянию в регионе, Турция старается не провоцировать Россию, а продолжать с ней сотрудничество. Утверждалось, что двумя причинами, по которым отношения между Турцией и Россией не пострадали после азербайджано-армянской

¹⁹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384>

²⁰ Trenin D. Russia and Europe. 08 November 2021 // URL: <https://carnegie.ru/commentary/83905>

²¹ Riima İ., Çelikpala M. Russian and Turkish Foreign Policy activism in the Syrian Theater // Uluslararası İlişkiler. 2021. № 62. S. 77.

²² <https://www.kommersant.ru/doc/4613179>

²³ <https://sanayi.gov.tr/istatistikler/yatirim-istatistikleri/mi0803011615>

²⁴ Аксенов П. Война дронов в Карабахе: как беспилотники изменили конфликт между Азербайджаном и Арменией. 6 October 2020 // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54431129>

войны, являются ограниченное участие в ней Турции и рабочие каналы между двумя странами

[25]. Очевидно, что эта стратегия позволяет избегать таких кризисов, как в 2015 г.

Традиционная турецкая внешняя политика, когда Центральная Азия и Южный Кавказ были частью Советского Союза, была антикоммунистической. После окончания холодной войны Анкара переопределила свою идентичность в качестве «модельной страны» для новых независимых государств. Эта политика была направлена на повышение значимости Анкары и усиление её интеграции с Западом. Одновременно были заложены основы центральноазиатской и кавказской политики Анкары, поставленная цель – стремление к лидерству – оказалась нереалистичной.

После 2002 г. новые элиты страны пытались превратить Турцию в «центральную державу», действующую более независимо в своей внешней политике с использованием дипломатических, культурных и экономических инструментов «мягкой силы». Центральная Азия и Кавказ были одним из векторов этой стратегии.

После возникновения протестных движений на Ближнем Востоке Анкара оказалась вовлечённой в региональные беспорядки, что создало для неё множество проблем. Именно поэтому постсоветская Средняя Азия и Южный Кавказ на время оказались вне фокуса внимания из-за надвигающихся угроз с Ближнего Востока.

Эта эпоха завершилась очередным поворотом в турецкой внешней политике, которая характеризуется недоверием к западным державам, прагматичным сотрудничеством с региональными игроками и более националистическим дискурсом.

Библиография • References

Аксенов П. Война дронов в Карабахе: как беспилотники изменили конфликт между Азербайджаном и Арменией. 6 October 2020 // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54431129>

[Aksekov P. Vojna dronov v Karabahe: kak bespilotniki izmenili konflikt mezhdru Azerbajdzhanom i Armeniej. 6 October 2020 // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54431129>]

Багдажи Х. У Турции нет друзей, а есть интересы: что стоит за разворотом Эрдогана? 2016 // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/u-turtsii-net-druzey-a-est-interesy/>

[Bagdzhi H. U Turcii net druzej, a est' interesy: chto stoit za razvorotom Erdogana? 2016 // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/u-turtsii-net-druzey-a-est-interesy/9>]

Коновалов И. Кавказская шахматная доска. М.: Издатель Воробьев, 2021. – 272 с.

[Konovalov I. Kavkazskaya shahmatnaya doska. M.: Izdatel' Vorob'ev, 2021. – 272 s.]

Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. М.: Иранская библиотека, 2020. – 314 с.

²⁵ Özertem H. S. Turkish-Russian Relations Before and After the Six-Week War in the Caucasus. 2021 // URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/turkish-russian-relations-before-and-after/>

- [Sanai M. Vzaimootnosheniya Irana i Central'noj Azii: tendencii i perspektivy. M.: Iranskaya biblioteka, 2020. – 314 s.]
- Balci B., Liles T. Turkey's comeback to Central Asia // *Insight Turkey*. 2018. № 20. С. 11–26.
- Bilgin P. Securing Turkey through western-oriented foreign policy // *New Perspectives on Turkey*. 2009. № 40. P. 103–123.
- Bilgin P., Bilgiç A. Turkey's New Foreign Policy toward Eurasia // *Eurasian Geography and Economics*. 2011. № 52. S. 173–195.
- Davutoğlu A. *Stratejik derinlik*. İstanbul: Küre, 2001. – 584 s.
- Fidan H., Nurdun R. Turkey's role in the global development assistance community: the case of TİKA // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2008. № 10. P. 93–111.
- Fotiou E. "Caucasus Stability and Cooperation Platform": What is at Stake for Regional Cooperation?. June 2009 // URL: https://www.files.ethz.ch/isn/104737/PB_16.pdf
- Kramer H. The EU – Turkey customs union: Economic integration amidst political turmoil // *Mediterranean Politics*. 1996. № 1. P. 60–75.
- Oran B. *Türk Dış Politikası*. İstanbul: İletişim, 2010. – 900 s.
- Oran B. *Turkish foreign policy, 1919–2006*. Salt Lake City: University of Utah Press, 2010. – 984 p.
- Özertem H.S. Turkish-Russian Relations Before and After the Six-Week War in the Caucasus. 2021 // URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/turkish-russian-relations-before-and-after/>
- Özkan B. Turkey, Davutoğlu and the Idea of Pan-Islamism // *Survival Global Politics and Strategy*. 2014. № 56. S. 119–140.
- Rüma İ., Çelikpala M. Russian and Turkish Foreign Policy activism in the Syrian Theater // *Uluslararası İlişkiler*. 2021. № 62. S. 65–84.
- TİKA 2008 Yıllık Faaliyet Raporu // Turkish Cooperation and Coordination Agency 2009 // URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/2017/YAYINLAR/Faaliyet%20Raporları/2008/2008FAALİYETRAPORU.pdf>
- Trenin D. Russia and Europe. 08 November 2021 // URL: <https://carnegie.ru/commentary/83905>
- TUİK // URL: <https://www.tuik.gov.tr>
- Wheeler T. Turkey's role and interests in Central Asia // *Safeworld Policy Brief*. 2013. – 16 p.
- <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384>
- <https://sanayi.gov.tr/istatistikler/yatirim-istatistikleri/mi0803011615>
- https://www.bbc.com/russian/international/2009/10/091014_football_turkey_armenia
- <https://www.kommersant.ru/doc/4613179>
- https://www.mfa.gov.tr/joint-communique-of-the-second-trilateral-meeting-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and.en.mfa

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2021 г.